

В.Г. Авсеенко

Петербургские очерки
Том первый.

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.Г. Авсеенко**
Петербургские очерки: Том первый. / В.Г. Авсеенко – М.: Книга по Требованию, 2024. – 127 с.

ISBN 978-5-458-09349-1

ISBN 978-5-458-09349-1

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

В. АВСѢНКО

живутъ люди съ тремя милліонами? У тебя, вотъ, и сигары гдѣ-то запрятаны, такъ что сразу не найдешь.

— Да вонъ сзади тебя ящикъ стоитъ. И помилуй, какіе же у меня три милліона?

— Говорятъ, всѣ говорятъ. Я всѣмъ пустилъ слухъ.

Гость всталъ, загребъ изъ ящика нѣсколько упмановскихъ «patentes», и запихалъ ихъ въ свой громадный кожаный портсигаръ.

— Это я и на твою долю беру, послѣ обѣда закуримъ, — объяснилъ онъ. — Да, кстати: закажи на завтра обѣдъ, чтобъ у тебя дома подали. Къ тебѣ гости собираются.

— Кто такіе? — спросилъ нѣсколько подозрительно Гончуковъ.

— Свои, все свои: сестра моя, съ мужемъ и дочерью, — объяснилъ пріятель. — Давно собираются, все спрашиваютъ: когда же твой Родіонъ Андреевичъ позоветъ насъ? Нехорошо, братецъ, ты имъ очень мало вниманія оказываешь. А вѣдь что за прелестное семейство! Я не по родственному, я безпристрастно говорю. Шурочка — вѣдь это такой чертеночъ, одинъ восторгъ. Жизни-то, жизни сколько въ этой девушкѣ! Мертваго воскресить можетъ. Тебѣ, при твоёмъ байбачествѣ, почаще надо вращаться въ такомъ обществѣ. А сестра? — образованнѣйшая, милѣйшая женщина. Съ англійскаго переводить для журналовъ. А Александръ Ильичъ? Практикъ, делецъ. Для тебя кладъ такой человѣкъ. Онъ теперь на одну идею напалъ... золотое дно! Вотъ поговоришь съ нимъ, онъ тебѣ расскажетъ. Но нѣтъ, я все къ Шурочкѣ возвращаюсь: вѣдь красота дѣвушка, а? Ты говори прямо...

— Хорошенькая, — согласился Гончуковъ, и слегка вздохнулъ.

— То-то же. А жизни въ ней сколько, огня! Эта дѣвушка составитъ счастье человѣку. Но только и она себѣ цѣну знаетъ. За кого-нибудь замужъ не пойдетъ. Нѣтъ, тутъ надо очень похлопотать, если кто вздумаетъ на ней жениться.

И говорившій это какъ-то странно, пылливо и строго прищурился на Гончукова своими узенькими глазками.

III.

Съ Иваномъ Семеновичемъ Подосеновымъ Гончуковъ познакомился совершенно случайно, — до такой степени случайно, что даже не могъ дать себѣ яснаго отчета, какимъ образомъ это знакомство завязалось. Со второго дня Подосеновъ разговаривалъ съ нимъ уже какъ со стариннымъ пріятелемъ, являлся къ нему безъ зова, курилъ его сигары и спрашивалъ самымъ обыкновеннымъ тономъ: «ну, гдѣ же мы сегодня обѣдаемъ?» или: «а куда мы сегодня вечеромъ?»

Въ ресторанахъ Подосеновъ поставилъ сначала дѣло такъ, что по счету платилъ Родіонъ Андреевичъ, а Иванъ Семеновичъ совалъ ему два рубля, причитавшіеся собственно за обѣдъ; потомъ объ этихъ двухъ рубляхъ онъ сталъ какъ-то забывать. Но когда они отправлялись въ какое-нибудь увеселительное мѣсто, гдѣ Родіону Андреевичу точно также предоставлялось преимущество за все платить, Иванъ Семеновичъ потомъ настоятельно совалъ ему въ руки пятьдесятъ копѣекъ, внесенные за него за входъ, и на попытки Гончукова отказаться, отвѣчалъ съ достоинствомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, платить за себя я не позволю. Ты мнѣ другъ, даже единственный другъ, но эти расходы у насъ пополамъ. Да, душа моя, пусть каждый за себя платитъ.

Съ какихъ поръ и по какому поводу Подосеновъ сталъ говорить ему «ты», Родіонъ Андреевичъ тоже не могъ припомнить. Но привыкъ онъ къ этому, какъ русскій человѣкъ, очень скоро.

ПЕТЕРБУГСКІЕ ОЧЕРКИ

Почвою для такихъ отношеній было, конечно, то обстоятельство, что Родіонъ Андреевичъ немножко скучаль въ Петербургѣ. Дѣла у него пока никакого не было, знакомыхъ тоже. Онъ былъ очень радъ, что нашелся безпритязательный, услужливый человѣкъ, готовый всегда и всюду раздѣлить его одиночество. Притомъ, Гончуковъ мало зналъ Петербургъ, а Подосеновъ просто поражаль его своими знаніями по этой части. Онъ даже отыскаль Родіону Андреевичу какую-то единственную прачку, которая, по его словамъ, одна во всемъ городѣ умѣла гладить сорочки съ ненакрахмаленною грудью.

— Да, голубчикъ, ужъ повѣрь, — утверждалъ Подосеновъ, — въ Москвѣ есть двѣ такія, и обѣ на Арбатѣ живутъ, а здѣсь одна. Московскихъ купцы привезли изъ Біаррица: заинтересовались толщиной. Въ самомъ дѣлѣ, толстыя до невозможности: по тротуарамъ не могутъ ходить, а только по мостовой.

— Да ты видѣль ихъ, что ли? — спрашиваль Гончуковъ.

— Само собою, видѣль: въ Москвѣ я каждого человѣка въ лицо знаю, — увѣренно отвѣчалъ Подосеновъ, хотя не бываль въ Москвѣ уже лѣтъ пятнадцать.

Родіонъ Андреевичъ былъ доволенъ также, что Подосеновъ познакомилъ его съ сестрой и племянницей: это былъ первый семейный домъ, найденный имъ въ чужомъ городѣ. Правда, второй и третій вечеръ, проведенные тамъ, показались Гончукову довольно скучными: у него даже спина и поясница разболѣлись отъ тоскливаго подыскиванья себѣ покойнаго положенія; но нельзя же обойтись безъ семейныхъ знакомствъ.

Подосеновъ рѣшительно не разделяль впечатлѣнія пріятеля.

— Это, братецъ мой, домъ, гдѣ живутъ интеллигентною жизнью, — объясняль онъ. — Ты къ этому еще не привыкъ; въ провинціи у васъ этого не найдешь.

Родіонъ Андреевичъ не совсѣмъ понималь, что значить домъ, гдѣ живутъ интеллигентною жизнью. Сестра Подосенова, Наталья Семеновна, почему-то напоминала ему акушерку; а когда онъ встрѣтилъ тамъ гостью, которая въ самомъ дѣлѣ была акушерка, у него сложилось убѣжденіе, что Наталья Семеновна втайнѣ непременно занимается этой профессіей.

— А Шурочка? — спрашиваль Подосеновъ. — вѣдь это ртуть, вѣдь это сама жизнь! Въ нашемъ поколѣніи не было такихъ дѣвушекъ. И вѣдь прехорошенькая, а, чортъ возьми? Я тебя спрашиваю: вѣдь хорошенькая?

И Подосеновъ вскидываль на пріятеля такой взглядъ и такъ странно разставляль локти, какъ будто готовился, въ случаѣ неудовлетворительнаго отвѣта, размахнуться обѣими руками.

— Конечно, хорошенькая, — отвѣчалъ Гончуковъ, сопровождая свои слова легкимъ вздохомъ, похожимъ на икоту.

Такимъ образомъ, отношенія Родіона Андреевича къ Подосенову какъ будто упрочивались. Пріятели сдѣлались рѣшительно неразлучными, и когда Иванъ Семеновичъ опаздываль своимъ появленіемъ въ обычный часъ, Родіонъ Андреевичъ чувствовалъ, что ему недостаетъ чего-то.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ тайникахъ души Родіона Андреевича зрѣль неясный еще протестъ противъ этихъ отношеній. Онъ сознаваль, что Подосеновъ присосался, словно клещъ, ко всему его существованію, и это иногда раздражало его. Ему казалось, что между нимъ и всѣмъ круговоротомъ жизни образовалась какая-то заслонка, и что онъ на весь міръ Божій смотритъ изъ-за спины Подосенова. Притомъ, его все чаще возмущала крайняя безцеремонность Ивана Семеновича, которую ничѣмъ нельзя было усмирить, такъ какъ она происходила изъ какой-то совершенно безсознательной наглости.

В. АВСѢНКО

«Услужливъ, что говорить; но осаживать его непремѣнно надо, иначе совѣмъ въ меня вопьется», — думаль Гончуковъ, повода усами.

IV.

Обѣдъ, устроенный для родственниковъ Подосенова, прошелъ довольно оживленно. Наталья Семеновна, дама лѣтъ сорока-пяти, со взбитыми на лбу кудряшками и слѣдами мокрой пудры на большомъ кругломъ носу, находилась въ томъ радостномъ расположеніи духа, въ какое обыкновенно приходятъ дамы, когда устраивается что-нибудь въ ихъ честь одинокимъ мужчиною. Она не то, чтобы кокетничала, но немножко впадала въ балованный тонъ и показывала, что, окруженная такимъ милымъ вниманіемъ, не желаетъ держать себя слишкомъ строго. Мужъ ея, Александръ Ильичъ Рохлинъ, лѣтъ на пять постарше, высокій, костлявый, съ полусѣдыми волосами, словно выщипленной бородкой и красными вѣками, оказался необычайно рѣчистымъ человѣкомъ, и говорилъ, безъ умолку. Повидимому, онъ обладалъ обо всемъ еще большими познаніями, чѣмъ Подосеновъ: стоило только назвать какой-нибудь предметъ, какъ онъ уже сообщалъ, громко и быстро, самыя точныя о немъ свѣдѣнія. По поводу поданной форели онъ рассказалъ, какъ ее ловятъ въ Финляндіи, а когда подали фазана, изъ устъ его пролилась цѣлая лекція о фазанахъ вообще, о фазанахъ кавказскихъ, фазанахъ туркестанскихъ и фазанахъ богемскихъ. Когда рѣчь зашла о желѣзной рудѣ, онъ тотчасъ очертилъ общее движеніе металлургической промышленности, предрѣкъ ей блестящую будущность и попутно замѣтилъ, что все это развилось почти что изъ подъ его рукъ, такъ какъ онъ былъ дѣятелемъ во всѣхъ учреждавшихся обществахъ. Если рѣчь заходила о какомъ-нибудь фактѣ изъ государственной политики, онъ дѣлалъ значительное лицо, поджималъ губы и говорилъ:

— А вамъ извѣстна подкладка всего этого дѣла? Вѣдь это какъ произошло: встрѣчаются однажды министръ внутреннихъ дѣлъ и министръ финансовъ на какомъ-то официальномъ обѣдѣ...

И рассказывалъ цѣлую исторію, очевидно тутъ же имъ сочиненную, но получавшую въ его устахъ такой видъ достовѣрности, какъ будто онъ всю жизнь вращался среди лицъ, приглашаемыхъ на официальные обѣды.

Въ то время какъ такія рѣчи оживляли обѣдъ съ одного конца стола, на другомъ концѣ Шурочка обнаруживала свою рѣзвость и живость. Маленькая, худенькая, смуглая, она дѣйствительно словно вся переливалась какъ ртуть. Это была роль, въ которую она вошла сознательно. Еще дѣвочкой она со всѣхъ сторонъ слышала, какъ восхищались бойкими дѣвицами, и съ гримаской отзывались о тѣхъ, въ комъ «мало жизни»; и она тогда же рѣшила усвоить себѣ такой типъ, который обнаруживалъ бы въ ней много жизни. У нея было даже особенное, оригинальное движеніе бровями и плечами, по ея мнѣнію, служившее этой цѣли. Она какъ-то вдругъ точно вскидывалась, и потомъ чуть замѣтно вздрагивала плечами, производя что-то похожее на цыганское трепетаніе. Этотъ приѣмъ она долго изучала, сопровождая его безпощадною игрою очень недурныхъ глазъ.

За обѣдомъ Шурочка ни минуты не оставалась покойною: передвигала стоявшія передъ нею рюмки, тянулась за хлѣбомъ или горчицей, стучала вилкой, и наконецъ подняла какую-то возню съ сидѣвшимъ подлѣ нея Родіономъ Андреевичемъ, выдергивая у него салфетку, какъ только онъ закладывалъ конецъ ея подъ подбородокъ. Родіону Андреевичу это нравилось, и онъ подливалъ Шурочкѣ вина, а она, отгубивъ, переливала въ его стаканъ.

— Не бойтесь, что я ваши мысли узнаю? — спросилъ онъ.

— О, мои мысли прозрачны какъ шампанское, — отвѣтила Шурочка.

ПЕТЕРБУГСКІЕ ОЧЕРКИ

— И такъ же играютъ? — продолжалъ Гончуковъ.

Шурочка передернулась всѣмъ тѣломъ, точно ее зашекетали.

— Я васъ въ уголь поставлю, — сказала она. Родіонъ Андреевичъ добродушно хихикнулъ, и выпилъ залпомъ цѣлый стаканчикъ шампанскаго.

«Ртуть, дѣйствительно ртуть», подумалъ онъ. Послѣ обѣда всѣ перешли въ просторный кабинетъ хозяина, куда подали кофе и ликеры. Наталья Семеновна, немножко отяжелѣвшая отъ выпитаго вина, забралась на огромное кресло въ углу, и опустила покрытыя мелкими морщинками вѣки. Шурочка присѣла къ піанино, и срывала съ клавишей короткіе аккорды.

Рохлинъ, держа въ рукѣ рюмочку съ ликеромъ и прихлебывая изъ нея, наклонился къ самому уху Гончукова и спросилъ вполголоса:

— У васъ есть какія-нибудь кабинетныя фотографіи?

— Какъ? — переспросилъ, не понявъ его, Родіонъ Андреевичъ.

— Ну, какія-нибудь этакія... знаете? Я бы пересмотрелъ потихоньку отъ дамъ, — объяснилъ Александръ Ильичъ.

Гончуковъ невольно бросилъ на него боковой взглядъ: онъ никакъ не ожидалъ отъ него этого.

— Нѣтъ, я не держу, — отвѣтилъ онъ.

— Жаль; я люблю, — произнесъ Рохлинъ, и подмигнулъ Родіону Андреевичу съ такимъ выраженіемъ, которое еще болѣе удивило послѣдняго.

V.

Подосеновъ раскрылъ оба ящика сигаръ, стоявшіе на столѣ, внимательно осмотрѣлъ ихъ, и выбравъ сортъ подороже, предложилъ Рохлину.

— А теперь, господа, вамъ слѣдовало бы переговорить о томъ дѣлѣ... помнишь, я тебѣ намекалъ уже? — повернулся онъ къ Гончукову. — Вы оба какъ разъ другъ другу нужны: у одного праздные милліоны, съ которыми онъ не знаетъ что дѣлать, а у другого гениальная идея общепользнаго предпріятія.

— Ну, ужъ и гениальная! — скромно возразилъ Рохлинъ. — Просто, я изучалъ этотъ вопросъ, и идея представилась мнѣ, какъ неотразимый выводъ изъ всего, что дало изученіе. Вотъ въ чемъ штука...

И Рохлинъ, опустившись на диванъ подлѣ Гончукова, принялся быстро и отчетливо объяснять ему свою «идею». Она заключалась въ сооруженіи цѣлой сѣти такихъ домовъ-дачъ, которые были бы одинаково приспособлены какъ для зимняго, такъ и для летняго помѣщенія небогатыхъ семействъ. Для этого предполагалось скупить большіе участки земли на Петербургской сторонѣ и за Нарвской заставой, и выстроить зданія съ широкими террасами во всѣхъ этажахъ, обращаемыми на лѣто въ цвѣтники, съ садами и садиками, и даже съ огородами, гдѣ каждый жилецъ могъ бы копать и засаживать грядки.

Такимъ образомъ, разрѣшались бы оба тяготѣющіе надъ небогатымъ населеніемъ вопроса: квартирный и дачный. Все дѣло предполагалось организовать такъ, чтобы оно совмѣщало въ себѣ стороны коммерческую и филантропическую: оно должно давать хорошій, вѣрный доходъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ быть благодѣяніемъ для общества. Складочный капиталъ дѣлился на мелкія акціи, по 50 рублей, съ цѣлью привлечь людей съ ограниченными средствами, и по преимуществу среди самихъ обитателей домовъ-дачъ.

— Вся штука въ томъ, что изучая это дѣло, я пришелъ къ неоспоримому выводу: задача разрѣшается только соединеніемъ обоихъ вопросовъ, зимняго и лѣтняго, —

В. АВСѢНКО

объясняль Рохлинь. — Порознь они неразрѣшимы. Устройте дешевыя квартиры въ городѣ — останутся раззорительные переѣзды на дачи; устройте дешевыя дачи — вы не избѣгнете неудобствъ, сопряженныхъ съ двойнымъ хозяйствомъ. Только моя идея рѣшаетъ все однимъ разомъ.

Подосеновъ при этихъ словахъ захопаль въ ладоши.

— Такъ какъ же послѣ этого не назвать идею гениальною! — воскликнулъ онъ. — Ты, Александръ, скромень, какъ всѣ великіе люди.

Рохлинь улыбался и потираль руки.

— Что ты скажешь, братецъ? — произнесъ Подосеновъ, слегка ударяя Гончукова по плечу.

Родіонъ Андреевичъ задумчиво повель носомъ и усами.

— Идея симпатичная... очень симпатичная, — произнесъ онъ, впрочемъ довольно равнодушнымъ тономъ.

— Тутъ, голубчикъ, мало сказать: симпатичная, — укоризненно замѣтилъ Подосеновъ. — Это, братецъ ты мой, ХХ вѣкомъ пахнетъ. За такое дѣло памятники ставятъ, какъ благодѣтелю челоуѣчества.

— Ну, зачѣмъ памятники, — скромно возразилъ Рохлинь. — Я не самолюбивъ. Я вижу, что дѣло дѣйствительно общепольное, и мечтаю только о томъ, чтобъ осуществить его. Вотъ это и будетъ мнѣ памятникъ.

— И оно осуществится, оно несомненно осуществится, — воскликнулъ Подосеновъ. — Да что, перейдемъ прямо къ дѣлу. У меня гдѣ-то тамъ есть капиталецъ, про черный день, тысяченокъ десять, и я все это пускаю въ твое дѣло. Бери листъ бумаги и перо, я подписываюсь на двѣсти акцій. Пусть я буду первымъ акціонеромъ. А вторымъ будетъ Родіонъ. Ты, душа моя, на сколько акцій подпишешься? — быстро обернулся онъ къ Гончукову.

Родіонъ Андреевичъ, не ожидавшій такого внезапнаго натиска, поморщился.

— Какъ же такъ вдругъ подписаться? — произнесъ онъ неохотно. Я вѣдь еще не познакомился съ дѣломъ. Это надо изучить, обдумать.

— Ты же самъ говоришь, что идея чрезвычайно симпатичная, — возразилъ Подосеновъ, выражая въ лицѣ своемъ укоризненное изумленіе.

— Ну да, симпатичная, я не отрицаю, — произнесъ Гончуковъ; — но все-таки, нельзя же такъ вдругъ. И потомъ, ты вотъ о моихъ милліонахъ говоришь; у меня милліоновъ нѣтъ...

— Тс! — съ таинственнымъ видомъ остановилъ его Подосеновъ. — Не говори этого вслухъ, братецъ. Даже между своими не говори. Тебя считаютъ въ трехъ милліонахъ, я это самъ такъ поставилъ, и прекрасно.

Рохлинь, уже присѣвшій было къ письменному столу, положилъ перо и всталъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, нельзя такъ сгоряча, — сказалъ онъ. — Твои двѣсти акцій я занесу въ шнуровую книгу, а Родіонъ Андреевичъ обдумаетъ, познакомится съ подробностями, и можетъ быть захочетъ основательно вступить въ дѣло. Тогда мы его въ директоры изберемъ.

— Въ директоры, разумѣется, въ директоры! — восторженно подхватилъ Подосеновъ. — Онъ, какъ главный учредитель, имѣетъ всѣ права.

— Безъ сомнѣнія. Мы это поставимъ на предварительномъ, частномъ собраніи учредителей, — рѣшилъ Рохлинь. — Намъ дорого пока принципиальное сочувствіе Родіона Андреевича. Капиталы найдутся, въ этомъ заранѣе можно быть увѣреннымъ.

ПЕТЕРБУГСКІЕ ОЧЕРКИ

— И найдутся, разумѣется, найдутся, — снова подхватилъ Подосеновъ. — Да ты не смотри, что онъ какъ будто упирается, онъ только сгоряча не хочетъ, а отъ слова своего не откажется.

Отъ какого слова? Родіону Андреевичу казалось, что онъ никакого слова не давалъ. Но прежде чѣмъ онъ могъ сказать что-нибудь по этому поводу, Подосеновъ отбѣжалъ на средину комнаты, и взмахнувъ руками, какъ бы желая обнять этимъ жестомъ всехъ присутствующихъ, провозгласилъ громко:

— А теперь, господа, принимая во вниманіе, что въ нашемъ маленькомъ обществѣ имѣются дамы, я полагаю... я полагаю, что нашъ милѣйшій хозяинъ не упуститъ случая устроить намъ какую-нибудь поѣздку за городъ, чтобы достойно закончить этотъ пріятнѣйшій день. Шурочка, вы какого объ этомъ мнѣнія?

Шурочка, во время дѣловаго разговора молча сидѣвшая за піанино, вскочила и сдѣлала свое любимое движеніе, выражавшее, что въ ней много жизни.

— Ахъ, какъ чудесно! — воскликнула она. Подосеновъ только взглянулъ на Гончукова, какъ-то странно подмигнулъ ему, и объявивъ, что бѣжитъ за тройкой, исчезъ.

VI.

На другой день Родіонъ Андреевичъ, проснувшійся чрезвычайно поздно, съ головою болью и какимъ-то непріятнымъ ощущеніемъ во всемъ тѣлѣ, точно его провезли сто верстъ въ телѣгѣ по ухабамъ, опять лежалъ на диванѣ въ кабинетѣ, выпуская кольцами дымокъ сигары.

Онъ былъ сильно не въ духѣ. Загородный пикникъ не оставилъ въ немъ никакого пріятнаго впечатлѣнія. Онъ даже хорошенько не помнилъ, какъ и что именно тамъ происходило. Сидѣли они въ особомъ кабинетѣ, имъ подавали какой-то ужинъ, котораго, впрочемъ, никто не ѣлъ, такъ какъ всѣ были сыты отъ обѣда. Но бутылки все время передъ нимъ стояли, и онъ много пилъ. Ему всѣ подливали, точно нарочно хотѣли опоить его. Подосеновъ распорядился. Наталья Семеновна и ея мужъ, кажется, порядочно клюкнули. Шурочка поминутно дѣлала движеніе, выражавшее, что въ ней много жизни. Потомъ появились цыгане. Потомъ онъ помнилъ только, что очень ослабѣлъ, и что Шурочка ему чрезвычайно нравилась. Должно быть, онъ былъ очень смѣшонъ. И все очень дорого стоило. Онъ не помнилъ, сколько взялъ съ собой денегъ, но привезъ назадъ очень мало. Послѣднее обстоятельство больше всего уязвляло Родіона Андреевича.

«Этотъ Подосеновъ прямо зловреденъ, — думалъ онъ, — съ нимъ опасно. Я теперь вижу, что это за человѣкъ: онъ прямо изъ бумажника вытащить можетъ».

Подосеновъ явился какъ разъ въ эту минуту, поздоровался съ необычайно серьезнымъ видомъ, и сѣлъ въ кресло прямо противъ хозяина. Глаза и все лицо его выражали укоризненную озабоченность.

— Хорошъ ты вчера былъ, — произнесъ онъ наконецъ, въ упоръ и неодобрительно взглядывая на пріятеля.

— Знаю, что пьянъ былъ; мнѣ нельзя пить, — сказалъ Гончуковъ.

— Да, по крайней мѣрѣ въ присутствіи молодой дѣвушки, — подтвердилъ Подосеновъ. — Ты оскорбилъ Шурочку.

— Чѣмъ же это я ее оскорбилъ? — переспросилъ Гончуковъ, нѣсколько даже смущаясь.

В. АВСѢНКО

— Помилуй, ты съ ней такъ свободно обращался, точно она уже объявлена твоей невѣстой, — объяснилъ Подосеновъ. — Положимъ, мы были между своими, и все это не имѣетъ значенія, если твои намѣренія вполнѣ серьезны.

— Какія намѣренія? Съ чего ты взялъ? — воскликнулъ Родіонъ Андреевичъ хриплымъ со вчерашняго вечера голосомъ.

— Ну, полно, точно я не замѣчалъ. Я давно вижу, что Шурочка тебѣ сильно нравится, — сказалъ Подосеновъ. — Да она и не можетъ не нравиться. Въ этой дѣвушкѣ столько жизни...

Гончуковъ припомнилъ обычное движеніе Шурочки, и оно показалось ему теперь отвратительнымъ.

«Провались она съ своей жизнью», подумалъ онъ.

— Очень можетъ быть, только я совсѣмъ не собираюсь жениться, — сказалъ онъ вслухъ. Подосеновъ опрокинулся на спинку кресла.

— Не собираешься жениться? — повторилъ онъ. — Въ такомъ случаѣ, какъ же ты позволяешь себѣ такое обращеніе съ порядочной дѣвушкой?

— Какое обращеніе? — возразилъ съ раздраженіемъ Родіонъ Андреевичъ. — Если я былъ неприличенъ, то вамъ надо было уйти, а не заставлять меня пить.

— Ты долженъ былъ помнить, что находишься въ обществѣ дѣвушки, — настаивалъ Подосеновъ.

— А зачѣмъ же родители этой дѣвушки не сообразили, что ее не слѣдуетъ возить по рестораннымъ кабинетамъ? — защищался Гончуковъ.

— А-а, вотъ какъ ты разсуждаешь! — воскликнулъ Подосеновъ. — Въ такомъ случаѣ, нога моя больше у тебя не будетъ.

— И прекрасно, отлично.

— Что-о? Это ты такъ говоришь своему пріятелю, другу, который всего себя отдашь тебѣ?

— Чтожь, если ты Богъ знаетъ съ чѣмъ являешься ко мнѣ.

— Такъ-то? Это за все то, что я для тебя сдѣлалъ?

Подосеновъ вдругъ всталъ и принялся шарить по столу, ища сигаръ.

— Да тутъ пустой ящикъ; гдѣ же у тебя сигары? — спросилъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Ты же, вѣроятно, вчера въ карманы себѣ высыпалъ, — отвѣтилъ Гончуковъ.

Подосеновъ замѣтилъ наконецъ на столѣ портсигаръ, вытащилъ оттуда «patentes» и закурилъ.

— Ну, а на сколько акцій ты подпишешься? — вдругъ перемѣнилъ онъ разговоръ.

— Ни на сколько, — отрѣзалъ Родіонъ Андреевичъ.

Подосеновъ пыхнулъ на него изъ сигары.

— Почему же это? Вѣдь ты далъ слово.

— И не думалъ. Я говорилъ, что симпатичная идея, и больше ничего, а участвовать въ дѣлѣ не буду.

— На какого же чорта намъ твои симпатіи?

— Этого я ужъ не знаю.

Подосеновъ опять пыхнулъ нѣсколько разъ дымомъ.

— Нѣтъ, я вижу, съ тобой каши не сварить, — сказалъ онъ. — Ты совсѣмъ не такой человекъ, какимъ я считалъ тебя.

— Чтожь дѣлать.

ПЕТЕРБУГСКІЕ ОЧЕРКИ

— Нехорошо, крайне плохо. Ну, такъ вотъ, слушай, у меня къ тебѣ послѣдняя просьба. Мнѣ деньги до зарѣзу нужны, одолжи мнѣ займы двѣ тысячи.

— Съ какой же стати?

— Какъ, съ какой стати? Да ты позабылъ, что я цѣлые дни съ тобой возился, порученія твои исполнял, время терялъ? Что я тратился, для того чтобы составить тебѣ компанію?

Родіонъ Андреевичъ окончательно возмутился.

— Я у тебя не въ долгу, такъ лучше намъ не считаться, — сказалъ онъ. — Ты однѣхъ сигаръ у меня перетаскалъ сколько.

Подосеновъ сталъ въ польборота.

— Такъ не дашь двухъ тысячъ? — спросилъ онъ.

— Не дамъ.

— Ну, такъ чертъ съ тобой. Ноги моей больше не будетъ здѣсь. Подавись ты своими деньгами.

Гончуковъ пожалъ плечами и отвернулся. Подосеновъ быстрыми шагами вышелъ изъ кабинета.

ПРИ ДАМАХЪ.

I.

Васса Андреевна Ужова встала очень поздно и имѣла не только сердитый, но даже злощій видъ. Умывшись, противъ обыкновенія, совсѣмъ наскоро, она скрутила свою все еще богатую косу въ толстый жгутъ, зашпилила ее высоко на головѣ, накинула на плечи нарядный, но не очень свѣжій халатикъ, и вышла въ столовую, гдѣ горничная Глаша поставила передъ ней кофейникъ, корзинку съ хлѣбомъ и большую чашку. Всѣ эти принадлежности Васса Андреевна оглянула съ враждебной гримасой, поболтала ложечкой въ сливочникъ, потомъ лизнула эту ложечку языкомъ, и отбросила ее черезъ весь столъ.

— Что это за гадость ты мнѣ подала! — накинулась она на Глашу. — Развѣ я стану съ такими сливками пить?

Глаша нагнула голову и внимательно заглянула въ кувшинчикъ.

— Не хороши, барышня? — произнесла она печально-удивленнымъ тономъ.

— Опять ты меня «барышней» называешь? Ты знаешь, что я терпѣть этого не могу. Я Васса Андреевна, а не «барышня», — сердито сказала хозяйка дома. — И что это за хлѣбъ? Не могла чего-нибудь вкуснее выбрать?

И она расшвыряла все, что было въ корзинкѣ, но затѣмъ все-таки присѣла къ столу, налила чашку кофе, плеснула сливокъ и принялась, хрустя своими бѣлыми и крѣпкими зубами, грызть кренделекъ.

— Узнай у швейцара, нѣтъ ли письма, — приказала она горничной.

Глаша ушла, и вернувшись черезъ минуту, объявила, что кромѣ газеты ничего нѣтъ. При этомъ она имѣла такой удрученный видъ, точно отъ ожидаемаго письма зависѣла вся ея участь.

На лицѣ Вассы Андреевны еще сильнѣе отразилось дурное расположеніе духа.

— Скажи кухаркѣ, чтобы сейчасъ сѣздила къ Денису Ивановичу, — распорядилась она. — И пусть скажетъ, что я прошу сію минуту пріѣхать ко мнѣ. Чтобы сейчасъ, сію минуту пріѣхалъ.

— Вы бы лучше написали, Васса Андреевна; можетъ быть, Дениса Ивановича дома нѣтъ, — замѣтила Глаша.

— Не выдумывай. Терпѣть я не могу писать. Пусть сейчасъ ѣдетъ.

Васса Андреевна допила кофе, съѣла половину крендельковъ и булочекъ, и затѣмъ, усѣвшись передъ туалетнымъ столикомъ, зажгла спиртовую лампочку, положила на нее щипцы и медленно, не торопясь, занялась уборкой своей головы.

Сложная работа эта была окончена только на половину, когда въ передней раздался звонокъ, и вслѣдъ затѣмъ изъ-подъ портьеры осторожно просунулась голова Дениса Ивановича Бобылкова.

— Не входите, здѣсь еще не прибрано, — поспѣшно крикнула ему Васса Андреевна. — Подождите въ будуарѣ, я сейчасъ къ вамъ выйду.

— Что случилось? Вы меня перепугали, — слышался изъ-за портьеры голосъ Бобылкова.

— Ахъ, я вся разстроена. Я вамъ все расскажу, — отвѣтила Васса Андреевна.

Она торопливо всунула въ волосы нѣсколько шпилекъ, и съ расчесаной только на половину головой встала и перешла въ большой, очень модно и нарядно обставленный

ПЕТЕРБУГСКІЕ ОЧЕРКИ

будуарь. Бобылковъ, расправлявшій всѣми пятью пальцами передъ зеркаломъ свою висѣвшую жиденькой бахрамой бородку, тотчасъ повернулся и подошелъ къ ручкѣ.

Это былъ господинъ лѣтъ сорока пяти, средняго роста, съ лысиной и съ замѣтною просѣдью на вискахъ и въ бородѣ. Темное, пересѣченное красноватыми жилками лицо его имѣло довольно поношенный видъ. Маленькіе, съ облѣзлыми рѣсницами глазки глядѣли съ плутоватою слащавостью, сквозь которую ничего не сквозило — ни ума, ни глупости, ни слишкомъ большого самолюбія, ни слишкомъ большой наглости.

— У меня съ Сатиромъ скандалъ третьяго дня вышелъ, — обратилась къ нему Васса Андреевна. — Мы съ нимъ такъ посчитались, что онъ теперь глазъ ко мнѣ не покажетъ.

— О-о?! Сатиръ Никитичъ? — произнесъ Бобылковъ такимъ тономъ, какимъ старые любезники говорятъ съ капризничаящими женщинами. — Расскажите, голубушка, расскажите...

— Да и рассказывать нечего: просто насплетничали ему про Сережу, онъ и сталъ выслѣживать, — отвѣтила Васса Андреевна.

— Ну, и что же?

— Ну, и выслѣдилъ. Разбунтовался, ругаться сталъ. А я ему все и выложила: какъ онъ къ Фофочкѣ на дачу ѣздилъ, и какъ за нее за два мѣсяца за коляску заплатилъ, и про то, какъ онъ Козичеву гадости про меня говорилъ — все, все ему выложила, будетъ помнить...

Бобылковъ повель носомъ и неодобрительно покачалъ головой.

— Скажите пожалуйста! Сатиръ Никитичъ! Кто бы могъ ожидать? Ревновать тоже вздумалъ... — проговорилъ онъ.

— Да, но вѣдь это нельзя же такъ, — продолжала Васса Андреевна, присаживаясь на диванчикъ и запахивая немножко позасаленныя полы своего халатика. — Не могу же я вдругъ ни при чемъ остаться. У меня дача нанята, кто же за нее платитъ будетъ? Коляска новая заказана, на дняхъ привезутъ — чѣмъ же я заплачу? Развѣ такъ дѣлаютъ порядочные люди? Вы, Денисушка, должны насъ помирить.

— И помирю, мамочка, разумѣется помирю! — воскликнулъ Бобылковъ. — Что, въ самомъ дѣлѣ, онъ глупить вздумалъ? Развѣ такъ обращаются съ дамами? Я его проберу.

— Вы привезите его ко мнѣ, Денисушка. Вѣдь вотъ, онъ вчера цѣлый день глазъ не показалъ.

— Постараюсь, мамочка. Вы на меня положитесь. Я бы и сейчасъ къ нему поѣхалъ, да вотъ, у меня дѣло есть. Елена Николаевна просила рѣдкостныя часики ей показать, купить хочетъ.

Бобылковъ вынулъ изъ кармана маленькій футляръ и повертѣлъ его въ рукахъ.

— Какіе часики? Покажите, — полюбопытствовала Васса Андреевна.

Часики были очень обыкновенныя, съ розовой эмалью и мелкими брилліантами. Но Бобылковъ увѣрялъ, что это чистѣйшій емпіре, которому цены нѣтъ.

— Елена Николаевна купить, она любитъ рѣдкія вещи, — сказалъ онъ.

— Ничего она у васъ не купить, потому что вы ей уже подсунули одинъ «ампиръ», — возразила Васса Андреевна. — Надули ее съ шифоньеромъ на триста рублей.

Бобылковъ всплеснулъ руками.

— Мамочка, какъ же можно это говорить! — воскликнулъ онъ. — Шифоньеръ мне отъ княгини Кувылдазе достался. И это не емпіре, а Louis XVI. У Маріи Антуанеты такой былъ. А часики я всего за двѣсти рублей отдаю: деньги очень нужны.

Ужова еще разъ раскрыла футляръ, посчитала брилліантики, пожалала плечами и сказала: